

Везение инженера Роберта Классона

*Р.Э. Классон (с золотым значком инженера-технолога),
Франкфурт-на-Майне, 1891-1893 гг.*

В этом очерке мы покажем, как Роберту Эдуардовичу исключительно повезло, когда он «оказался в нужном месте в нужный час» – во Франкфурте-на-Майне в 1891-м. Кроме того, вернувшись из Германии и испытав сильное эмоциональное потрясение на допросах в Жандармском управлении в Петербурге, он пошел не по тропе революционера, а – инженера-электротехника. Как весьма увлекавшийся человек Р.Э. Классон мог повторить трагическую судьбу своего соученика по Петербургскому технологическому институту Михаила Ивановича Бруснева, отбывшего четыре года тюремного заключения и восемь лет ссылки в Верхоянске. Ничем особенным в инженерном деле последний себя проявить уже не смог...

Большая советская энциклопедия (БСЭ) давала лишь «революционную канву» деятельности М.И. Бруснева. Розыски автора в ГАРФ позволили дополнить чисто «большевистский перечень» другими подробностями его «линии жизни». Итак, происходил он из казаков, был сыном хорунжего. В 1877-м М.И. Бруснев поступил в Ставропольскую гимназию, которую окончил в 1885 году. В том же году был зачислен в Петербургский технологический институт, был товарищем Р.Э. Классона. Оба они окончили курс обучения в 1891-м. Выходит, М.И. Брусневу пришлось быть студентом не пять, а шесть лет – из-за ранней революционной деятельности?

Обратил он на себя внимание жандармов в 1886 году «сношениями с привлекавшейся к дознанию Марией Югилевич и в течение последних лет был постоянно на замечании полиции, как принимавший участие в тайных сходках, рабочей пропаганде и студенческих беспорядках.

По окончании в 1891 г. Института Бруснев пробыл еще некоторое время в Петербурге, а затем переехал в Москву, где получил место в вагонном отделении мастерских при Московско-Брестской железной дороге, и поселился вместе с товарищем своим по Институту Иваном Епифановым, который, в бытность в Петербурге, так же вращался постоянно среди неблагонадежных лиц и состоял под наблюдением» (из «Обзора важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи по государственным преступлениям за 1892 и 1893 годы»).

Здесь мы приведем несколько цитат из воспоминаний М.И. Бруснева «Первые революционные шаги Л. Красина», в которых, кстати, упоминается и Р.Э. Классон. Итак, первый сюжет – о студенческих и рабочих кружках в Петербурге:

Как я уже сказал, кружки самообразования, землячества и тому подобные студенческие объединения существовали даже в самые мрачные времена реакции середины 80-х годов. Но эти объединения были замкнуты, не имели почти никакой организационной связи ни между собою, ни с внешним миром. Единственным исключением разве было Сибирское землячество, в которое кроме студентов, как мне говорил Л.Б. Красин, входили и многие общественные деятели Сибири и даже меценаты из богатых сибирских купцов, живших в Петербурге.

У студенчества тех времен были, конечно, связи в мире публицистов, писателей и общественных деятелей, а также среди передовых рабочих, примыкавших ранее к революционным кружкам «Народной воли», но связи эти были случайные, основанные на личном знакомстве того или иного студента с тем или иным общественным деятелем или рабочим. Я иногда встречал у студента Классона (впоследствии известный инженер) рабочих из революционных кружков, заходивших к нему за книгами. (Классон давал некоторым рабочим уроки по математике и физике.)

Студенческие кружки, конечно, не были революционными или социалистическими в собственном смысле этого слова, но несомненно, они были заражены революционным духом и стояли в явной оппозиции к существующему строю. Кружков, объединяющих патриотически или хотя бы лояльно настроенных к правительству студентов, не было, да и не могло быть, так как правительство преследовало всякие объединения, с какой бы целью они ни создавались. Патриотическая демонстрация, встреча и подношение цветов царице при въезде Александра III, после крушения поезда на станции Борки 17 октября 1887 года, – была организована начальством только на этот случай, и длительной организации из этого не последовало. Стремление черносотенных студентов к организации возникло значительно позднее.

В 1889 году была сделана первая попытка организованно объединить все студенческие кружки Петербурга и связать их, с одной стороны, с либеральным обществом, и с другой – с рабочими. Инициатива этого объединения исходила от студентов-технологов, имевших связи с рабочими и ведших там пропаганду социалистических идей. Для проведения в жизнь этого объединения воспользовались приездом в Петербург бывшего народовольца – С. Карелина, земского статистика и экономиста, имевшего большие связи среди либерального общества и бывших революционеров как в Петербурге, так и в больших провинциальных городах. Карелин возвратился из ссылки из северных губерний.

Было организовано несколько собраний, по тому времени довольно многочисленных, на которых в качестве докладчика выступал Карелин. На собрания приглашали студентов и курсисток, так или иначе проявивших свой революционный образ мыслей, Доклады Карелина все были построены по одному типу. Он излагал историю революционных течений последнего десятилетия и главным образом историю героической борьбы «Народной воли».

Мимоходом касался сущности разногласий между двумя течениями революционной мысли – старонародовольческим и плехановским. (Причем для всех было ясно, что симпатии докладчика всецело были на стороне «Народной воли».) В заключение он заявлял, что теоретические разногласия не должны мешать революционной молодежи объединиться для борьбы с общим врагом – реакционным правительством, которое можно свергнуть только последовательно проведенным, и возведенным в систему, централизованным террором.

Как практическую меру на ближайшее время он предлагал сорганизоваться всем в две секции единого революционного общества – народовольческую и марксистскую. Здесь же на собрании производилось голосование, кто за ту или иную программу. Высказывавшиеся за народовольческую программу образовали секцию народовольческую и за марксистскую – свою секцию. Предполагалось, что обе секции будут объединены общим комитетом.

Карелин вел свою агитацию весьма конспиративно. Имя его большинству принимавших участие в этих собраниях было не известно. Мы прозвали его «Лоэнгрином». Впрочем, вскоре на одном из заседаний Вольно-экономического общества, в котором Карелин сделал доклад о крестьянском малоземельи, имя «Лоэнгрин» сделалось известным всем. Скоро он совершенно скрылся с нашего горизонта.

Появление Карелина произвело глубокое впечатление в студенческих кругах Петербурга. Я не могу теперь утверждать, что Карелин был выдвинут сознательно какой-то организацией, но тогда мне казалось, что он является только ширмой, за которой стоит группа студентов-марксистов. Во всяком случае, в дальнейшем агитацией Карелина воспользовалась эта группа (Родзевич, Гурий Петровский, Лелевель, Баньковский, Бурачевский, Цивинский и др.). В результате агитации Карелина возникло множество студенческих кружков самообразования, большей частью марксистского направления, где изучались общественные науки, политическая экономия и особенно «Капитал» Маркса. Кружки эти через своих представителей были объединены в одно целое общество («сообщество», как мы его называли), руководство которым находилось в руках указанной выше группы.

И второй сюжет, связанный с похоронами Н.В. Шелгунова, отчислением из института и высылкой Л.Б. Красина в Нижний Новгород и переездом Михаила Ивановича в Москву:

Студенчество так или иначе участвовало в общественной жизни, путем протестов, забастовок и т.п. Студенты, например, организовали демонстративную панихиду (без попов, во Владимирском соборе) по Чернышевскому, участвовали на похоронах Салтыкова-Щедрина, тоже носивших демонстративный характер, и в других демонстрациях, имевших место по тому или иному поводу. Рабочие, если и участвовали в этих демонстрациях, то лишь как отдельные лица, а не организованно.

И это происходило не потому, что события или лица, служившие поводом к демонстрациям, не были известны в кругах рабочих, напротив, Чернышевским, например, зачитывались передовые рабочие, а просто потому что не было сознания важности открытого проявления сочувствия тому или иному писателю, тому или иному событию общественной жизни.

Незадолго до смерти литератора Н.В. Шелгунова возникла мысль поднести ему адрес от рабочих. Я не помню, у кого впервые зародилась эта мысль, полагаю, что у старой писательницы Екатерины Егоровны Бартеневой, руководившей одним из наших кружков работниц. Статьи Н.В. Шелгунова в тогдашней «Русской мысли», а также в старых журналах, читались рабочими, и имя его было известно в передовых слоях рабочего класса.

Поэтому и мысль почтить больного писателя адресом встретила сочувствие у рабочих. Был составлен адрес, и избрана делегация от рабочих. Адрес составляли сами рабочие, но редактировал его В.С. Голубев.*

Я не помню теперь, сколько человек входило в делегацию. В нее входили: Егор Афанасьев (Климанов) и Федор Афанасьев, Н.Д. Богданов и др. Е.Е. Бартенева, присутствовавшая при приеме Шелгуновым делегации, рассказывала мне, что Шелгунов до слез был растроган беседой с делегацией. До этого времени ему не верилось, что в тогдашней России могла существовать рабочая организация, имеющая таких сознательных руководителей из среды рабочих. Беседа с писателем, боровшимся за идеи демократии и за интересы рабочего класса, произвела сильное впечатление на рабочих. Отчеты делегатов в их кружках, а также текст адреса, который мы воспроизвели на циклоstile, с большим интересом выслушивались в рабочих кружках, даже начальных.

Одновременно с рабочей делегацией Н.В. Шелгунова посетила и делегация студентов. Я не помню теперь состава этой делегации, но в нее входил и Л.Б. Красин. В одной из книжек «Русской мысли» Шелгунов поместил статью о современной молодежи, в которой писал, что народился новый тип молодежи, идущий новыми путями на смену прежнего поколения, с твердой верой в лучшее будущее. Статья эта написана под впечатлением бесед с делегацией, а новый тип молодежи Шелгунов увидел в Л.Б.

Адрес и рабочая делегация к Шелгунову оставались некоторое время неизвестными полиции. Шелгунов вскоре после этого умер (в апреле 1891 года). Наша рабочая организация решила принять демонстративное участие в похоронах писателя. Был сделан венок с красными лентами и с надписью – «Указателю пути к свободе и братству от петербургских рабочих». На фабриках, и заводах было объявлено о времени похорон.

Большая группа наших рабочих со своим венком явилась к дому, где умер Шелгунов (на Воскресенском проспекте). Похоронная процессия после некоторого препирательства с полицией, во главе с группой рабочих, несших венок с красными лентами, двинулась к Литейному проспекту, оттуда по Невскому и далее до Волкова кладбища. Впечатление от этой демонстрации было огромное во всех слоях общества. Оно и не удивительно – ведь в сущности это было первое выступление русского рабочего класса на арену политической борьбы.

В тот же день видные рабочие, принимавшие участие в демонстрации, были арестованы и затем высланы из столицы. Рабочий Гавриил Мефодиев, высланный в Тулу, говорил мне, что его и других участников в демонстрации узнали по фотографии, снятой с похоронной процессии во время одной остановок.

* [Выпускник СПб. Университета] В.С. Голубев был известен в то время в рабочих кругах под кличкой «Дяди Сени». Он был в такой же степени, как М.И. Бруснев, душой всего дела, и, имея тогда, вероятно, уже за 30 лет, неумоимо шагал из одного рабочего района в другой, не возбуждая, так же как и Бруснев, благодаря своему ультрадемократическому виду ничьих подозрений, особенно когда был соответственно одет. Я не особенно близко сталкивался с Голубевым и не могу доподлинно сказать, каково было его мировоззрение. Во всяком случае, едва ли ошибусь, утверждая, что он был таким же марксистом, как и Бруснев, отрицал террор и в то время вел подлинную социал-демократическую работу. К сожалению позднее, уже будучи в ссылке, В.С. Голубев перешел в лагерь социалистов-революционеров под влиянием, кажется, главным образом Зайчневского, а окончил свои дни в эпоху революции 1905 года главным редактором полулиберальной газеты «Наша жизнь». – Л.Б. Красин. Дела давно минувших дней, 1923 г.

В день похорон Шелгунова Л.Б. держал один из самых главных экзаменов – по органической химии. Я советовал ему на похороны не приходить, так как это грозило ему высылкой из Петербурга. Моего совета он не послушал. Сдав блестяще экзамен, он успел присоединиться к процессии у самого кладбища. В ту же ночь он был арестован и через несколько дней выпущен, с приказанием немедленно уехать из столицы.

Участие Л.Б. в рабочей организации осталось на этот раз неизвестным полиции. Он был выслан просто как студент, уже раз исключенный и принятый вновь лишь при условии не участвовать ни в каких беспорядках и демонстрациях.

Я зашел проститься с Л.Б. к нему на квартиру. Провожать на вокзал было неудобно в конспиративном отношении. Большая комната на Забалканском проспекте, где он жил вместе со своим братом [Германом], была переполнена студентами и курсистками, пришедшими проводить Л.Б. Здесь были студенты: С.И. Радченко, Р.Э. Классон (впоследствии известный инженер, друг Л.Б.); курсистки: Л.В. Миловидова, впоследствии жена Л.Б., Н.К. Крупская и много других, имена которых теперь не припомню.

Из рабочих никого не было, так как они знали только своего «Василия Никитича», а Л.Б. Красин им был неизвестен. Впрочем, мои друзья Егор Афанасьев (Климанов) и Федор Афанасьев знали Л.Б. и лично, так как неоднократно встречали его у меня, но не могли притти его проводить по конспиративным соображениям.

Федор Афанасьев отнесся к высылке Л.Б., как к мере правительства, которую мы должны использовать в целях распространения нашей организации на другие города. У нас в это время уже было отделение в Туле, организованное нашими рабочими, высланными из Петербурга за стачку. Он предложил организовать такое же отделение в том городе, где поселится Л.Б.

Еще до шелгуновской демонстрации у нас было решено распространить нашу организацию и на Москву, где, как нам было известно, еще не было рабочих кружков, по крайней мере, нашего, марксистского направления. Для организации революционных рабочих кружков; в Москве решено было послать Федора Афанасьева, который должен был поступить ткачом на одну из московских фабрик.

Л.Б. перед своей высылкой дал мне адрес московского студента П.М. Кашинского, с которым у него завязались перед этим сношения. Кашинский был марксистом. В университете он работал в семинарии проф. Чупрова и подготовлялся к ученой деятельности. Я снабдил Афанасьева адресом Кашинского, а проездом через Москву Л.Б. должен был предупредить Кашинского о цели приезда Федора Афанасьева.

Осенью того же 1891 года я поселился в Москве и вместе с Федором Афанасьевым, который в это время уже работал на Прохоровской мануфактуре и уже завязал некоторые сношения с московскими рабочими, приступили к организации в Москве такой же сети рабочих кружков и того же направления, какие были у нас в Петербурге.

Работа в Москве была трудная, главным образом потому, что у нас не было достаточного количества хорошо подготовленных рабочих, и еще потому, что интеллигентская группа П.М. Кашинского, с которой мы организационно связались, еще в недостаточной мере освободилась от народофильского уклона, и нам с Федором Афанасьевым много приходилось тратить времени и усилий на бесплодные споры и выработку общей, приемлемой для всех платформы. Но зато благодаря группе Кашинского мы до некоторой степени наладили сношения с заграницей, откуда мы стали получать большие по тому времени количества нелегальной литературы социал-демократического направления (издания группы «Освобождение труда»).

Литературой этой мы уже могли снабжать и наши тульские рабочие кружки и даже Петербург, где на этот счет, как я уже сказал, дело обстояло неважно. В то же время мы упрочили нашу организационную связь с тульскими рабочими кружками, организованными нашими петербургскими рабочими, высланными в разное время из столицы. Тульские рабочие кружки быт организованы на манер петербургских. Но, конечно, здесь чувствовался сильный недостаток в интеллигентных руководителях, недостаток, который мы до некоторой степени восполняли поездками соответствующих людей из Москвы.

Такую же организационную связь мы хотели установить и с владимирским фабричным районом, где у меня оставались кое-какие знакомства от времени моего пребывания на фабрике Саввы Морозова в Орехово-Зуеве в качестве студента-практиканта, а также с районом Нижнего Новгорода, где поселился Л.Б. после высылки из Петербурга.

<...> Вскоре после этого, 12 апреля нас обоих арестовали, меня в Москве, а его в Нижнем^{}. При аресте у меня отобрали, между прочим, карточку Л.Б. с надписью «оглянемся на Запад». Л.Б. из Нижнего был привезен в Москву и заключен в Таганскую тюрьму, где содержался и я. Тюремный режим в то время был очень строгий, и мне за все время сидения здесь (более 2 лет) не удалось ни видеть Л.Б., ни завязать с ним ни переписки, ни перестукивания.*

М.И. Бруснев был соорганизатором и соруководителем (вместе с не окончившим курс в Ново-Александровском Институте Михаилом Егуповым) «Московского революционного кружка», т.е. одной из первых российских социал-демократических групп (первые попытки создания подобных структур – и в Петербурге, и в Туле, и в Первопрестольной были предприняты, как мы видели, им еще во время своей учебы в Технологическом).

В апреле 1892-го в Департамент Полиции пришло донесение из Москвы:

На сходках, происходивших на квартире Бруснева, <...> вырабатывалась и редактировалась программа кружка, в §12 которой значит: «Признавая наступательный политический террор главным оружием борьбы с Самодержавием, мы однако же утверждаем, что систематический террор возможен лишь при таком развитии организации, которая обеспечит живой приток сил», и Бруснев должен был ехать по делам организации в С.Петербург. (здесь и ниже, если не указано особо, – ф. 102 ГАРФ)

Однако 26 апреля того же 1892-го полиция синхронно провела обыски и арестовала ряд революционеров, в т.ч. и М.И. Бруснева. Последний был заключен под стражу в Среденском Полицейском доме, в отдельном помещении. У него обнаружили (или несколько позже перехватили при слежке за квартирой) письмо Р.Э. Классона из Цюриха от 15 апреля (нового стиля?) 1892 г. В нем, согласно донесению охранного отделения, говорилось «о присылке каких-то книг, значении динамитных взрывов, происходивших во Франции, и прочем»^{**}.

Правда в вышеупомянутом «Обзоре важнейших дознаний <...>» этот сюжет звучал несколько иначе: «о согласии на высылку разных изданий и с изложением взглядов Классона на теории анархизма и социализма». В протоколе осмотра целой груды нелегальной литературы, рукописей и писем, доставленных в чемодане и ящике из квартиры М.И. Бруснева, содержалось 158 позиций!

^{*} На самом деле М.И. Бруснев был арестован 26 апреля ст. стиля (см. ниже).

^{**} История с динамитными взрывами началась с кражи в феврале 1892 г. 30 кг динамита в каменоломнях, достигла пика в результате взрыва 11 марта того же года в доме на бульваре Сен-Жермен в Париже и последующих взрывов, в конце концов полиция удалось поймать главаря анархистов-террористов Равашоля и его сообщников (см. Приложение ««Революционная борьба» и ее последствия»). Правда, несколькими годами раньше в Париже были уже обезврежены «русские динамитчики».

В их числе особое внимание Департамента полиции обратила на себя «Программа временного организационного Исполнительного Комитета»:

1) Убежденные социалисты-революционеры, мы стремимся к созданию в ближайшем будущем боевой социально-революционной организации.

<...> 5) Обращаясь к конкретным условиям русской действительности, мы видим злейшего врага активного социализма в строго централизованном, построенном на началах крайнего абсолютизма, полицейском государстве с его самодержцем, в котором, как в фокусе, сосредоточиваются бесконечные муки несчастного и в то же время великого русского народа.

<...> 8) Мы глубоко убеждены, что при современном соотношении общественных сил в России политическая свобода в ближайшем будущем может быть достигнута лишь путем систематического, в форме политического террора, воздействия на центральное правительство со стороны строго централизованной и дисциплинированной революционной партии при дружном содействии всех живых сил страны.

9) Стремясь к созданию боевой социально-революционной организации, мы утверждаем, что таковая может быть и должна быть создана на почве широкой устной и письменной пропаганды идей социализма в связи с пропагандой идеи политического террора среди демократической интеллигенции всех общественных категорий, среди рабочего пролетариата и, отчасти, среди сектантов-рационалистов.

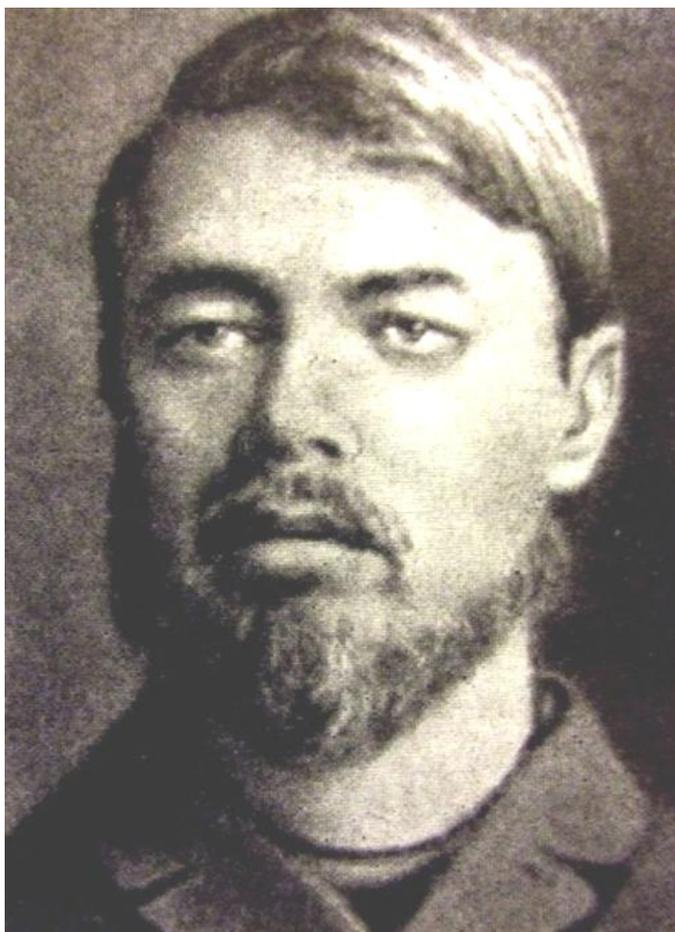
<...> 11) В то же время мы утверждаем, что рабочий пролетариат, идя рука об руку с демократической интеллигенцией, может и должен в ближайшем будущем бороться за свое освобождение путем политического террора.

К пункту 8 в упомянутом выше Обзоре было дано важное примечание: «Требует развития». Итак, М.И. Бруснев со товарищи создавали боевую социал-революционную организацию, нацеленную на «политический террор центрального правительства». Во что это вылилось бы, мы можем сейчас только фантазировать – в убийства царских чиновников, а возможно и в массовые политические стачки, баррикады и бои на улицах с регулярными войсками, как это потом случится в 1905-м...

По Высочайшему повелению от 7 декабря 1894 года «государственный преступник Технолог Михаил Иванов Бруснев» был подвергнут тюремному заключению на 4 года, по отбытии которого подлежал высылке в Восточную Сибирь под надзор полиции сроком на 10 лет. В январе 1895-го М.И. Бруснев прибыл из Московского губернского Тюремного замка, в качестве политического арестанта, в Московскую Центральную пересыльную тюрьму, в том же месяце был отправлен из тюрьмы с очередной арестантской партией в распоряжение С.-Петербургского Градоначальника для помещения в отдельную тюрьму.

Выходит, он дополнительно допрашивался и в Северной Пальмире. В июне 1896-го «прибыл в Московскую Центральную пересыльную тюрьму с Петербургского тракта политический административно-ссылный из дворян технолог Михаил Иванов Бруснев».

Перед отсылкой в Восточную Сибирь он подавал прошение о возврате ему диплома Технологического института, но в результате переписки между московскими охранно-жандармскими структурами выяснилось, что этот документ при обыске у него не отбирался, так что и возвращать было нечего. Так и поехал М.И. Бруснев в ссылку без диплома... После «условно-досрочного освобождения» из ссылки в Верхоянске заезжал в 1904-м в Баку к Р.Э. Классону и Л.Б. Красину.

Единственное имеющееся в Интернете фото М.И. Бруснева

Правда, как утверждал Михаил Иванович все в тех же воспоминаниях «Первые революционные шаги Л. Красина», он Роберта Эдуардовича уже не застал:

В 1904 году я возвратился из ссылки. Л.Б. в это время был в Баку, где занимал должность помощника директора «Электрической силы». Так как директор-инженер Р.Э. Классон в это время уже перешел в Москву, то, собственно говоря, Л.Б. стоял во главе всего предприятия. По приглашению Л.Б. я приехал к нему, в Баку, где и прожил около месяца. <...> Я пробыл в Баку у Л.Б. около месяца. Он уже решил покинуть «Электрическую силу» и ожидал только приезда своего преемника В.В. Старкова. По приезде Старкова и по сдаче дел по управлению «Электрической силой» Л.Б. поехал в Москву. Позднее мы сделали с ним маленькое путешествие по Кавказу.

Л.Б. по разным партийным делам нужно было побывать в Тифлисе, Владикавказе и Кисловодске. Из Баку и этих городов Л.Б. вывозил много всякого нелегального материала, в виде литературы, рукописей и пр., занимавшего целый чемодан. На Минеральных водах к нему присоединился подозрительный тип, и Л.Б. опасался возможности ареста. Дело было еще при [министре внутренних дел] Плеве. Поэтому в Армавире перед самым отходом поезда я выскочил с чемоданом из вагона, а Л.Б. вместе с подозрительным типом поехал дальше. Нелегальные вещи я из Армавира благополучно переправил в Москву.

Скорее всего, Михаил Иванович разминулся с Робертом Эдуардовичем в Баку из-за того, что последний убыл в свой ежегодный 6-недельный отпуск и оставил Леонида Борисовича за себя – т.е. исполнять обязанности бакинского директора «Электрической силы».

А уехал окончательно Р.Э. Классон из Баку лишь в 1906-м (Красин же как раз летом 1904-го вынужден был покинуть Баку из-за подхваченной им на Кавказе малярии; правда, по официальной версии – как избранный в ЦК РСДРП(б) должен был перебраться в Москву). Но мы забежали сильно вперед в отношении Р.Э. Классона.

Итак, с 1907-го М.И. Бруснев отошел от политической деятельности. В 1920-х работал в системе Наркомвнешторга в Литве и в Париже. И с автором сих строк, оказывается, был согласен Л.Б. Красин, еще в 1923-м! Вот как последний подводил итог жизни своего революционного соратника:

М.И. Бруснев был приговорен в административном порядке к одиночному заключению в Крестах на четыре года, с высылкой затем на десять лет в Верхоянск Якутской области. За разными манифестами пребывание М.И. в Верхоянске было немного сокращено, и он возвратился в Россию, если не ошибаюсь, в половине 1904 года. Таким образом, царское правительство отняло у этого человека, правда, не 14, но все-таки 12 полных лет жизни. М.И. Бруснев вынес необыкновенно тяжелое заключение в Крестах и крайние лишения ссылки в самом холодном месте земного шара, но к политической работе он уже не возвращался.

М.И. работает сейчас в качестве скромного советского работника в одном из учреждений Наркомвнешторга. Хотя он и не состоит сейчас в РКП, будет справедливо послать ему к 25-летию юбилею нашей партии привет, как одному из первых социал-демократов, положившему начало революционной социал-демократической работы в рабочих кругах Петербурга и Москвы и отдавшему этому делу лучшие годы своей жизни («Дела давно минувших дней», 1923 г., см. Приложение «Л.Б. Красин и «сподвижники»»).

Здесь следует отметить некоторое умалчивание Л.Б. Красина насчет «десяти лет пребывания в Верхоянске» М.И. Бруснева. Из книги Павла Зырянова «Адмирал Колчак»:

<...> Вспомогательная экспедиция [Русской полярной экспедиции во главе с бароном Э.В. Толлем], которую возглавил геолог К.А. Воллосович, состояла из 11 человек. В нее, в частности, вошли политические ссыльные – студент О.Ф. Ционглинский и инженер-технолог М.И. Бруснев. <...> 3 сентября [1901 года] «Заря» вошла в Нерпичью бухту [острова Котельный] и направилась в маленькую гавань, защищенную отмелью от натиска льдов. На берегу виден был домик, сколоченный из плавника, а еще ближе – человек, который махал рукой. Все поняли, что это К.А. Воллосович. Но встретиться с ним удалось не ранее чем через два дня. <...> 5 сентября судно наконец прошло через узкий канал [между напиряющими льдинами] и прочно обосновалось в своем убежище. <...> Побывали на «Заре» [(кроме Воллосовича)] и Ционглинский с Брусневым, которые затем уехали к местам своих зимовок.

Инженер-технолог Михаил Иванович Бруснев принадлежал к числу первых русских марксистов. В советское время его имя упоминалось во всех учебниках истории. В 1901 году шел шестой год его ссылки. Он собирал для гербария образцы скудной растительности восточносибирской тундры и насаживал на иглу мелких представителей ее фауны. Но в отчетах на имя президента Академии наук великого князя Константина Константиновича не упускал случая «подпустить» насчет «кулаков-торговцев», которые держат в кабале местное население, а наемных охотников, которых в Сибири все называют промышленниками (от слова «промышлять»), называл по-научному – рабочими.

Весьма оригинально, конечно, что политссыльный М.И. Бруснев направлял отчеты о своей научной деятельности (к тому же свободно перемещаясь по всей Восточной Сибири) великому князю Константину Константиновичу.

Далее в книге П. Зырянова еще не раз появится Михаил Иванович, в связи с деятельностью Русской полярной экспедиции, а затем – уже в рамках безуспешной операции по поиску и спасению группы Толля, отправившейся с корабля «Заря» в рискованное путешествие на остров Беннета.

Последнюю операцию возглавил А.В. Колчак:

На мысе Высоком [Новосибирских островов] Колчак повстречал Бруснева. Он был один, поскольку его промышленники охотились в глубине острова. Бруснев сообщил, что еще в марте [1903 года], прибыв на Новую Сибирь, он нашел на этом мысе записку Толля от 11 июля 1902 года, в коей сообщалось, что его партия отправляется на остров Беннета. Бруснев попытался пройти по льду в этом же направлении, но в 30 километрах от берега натолкнулся на полынью.

Самым же удивительным в ссылке М.И. Бруснева в Восточную Сибирь было то, что «Известия Императорской Академии Наук» (№5 за 1904 г.) напечатали его «Отчет начальника экспедиции на Новосибирские острова для оказания помощи барону Толлю»! Вот это политический ссыльный: публикуется в издании Императорской академии наук и пишет отчеты великому князю, родственнику Александра III, которому Михаил Иванович и его соратники планировали устроить «политический террор»!! Какое, однако, гуманное обращение царских властей (с ноября 1894 г. уже во главе с Николаем II) с государственным преступником!!!

Вот примерно такая же «линия жизни» была уготована и Р.Э. Классону, если бы он «увлекся революцией»...

В подкрепление этого, весьма смелого тезиса обратимся также к уже забытым свидетельствам Алексея Михайловича Водена*. Вот как его достаточно извилистая «линия жизни» пересекалась с Робертом Эдуардовичем. Начнем естественно с петербургских эпизодов, когда А.М. Воден учился на первом курсе университета:

*Осенью 1890 г. я познакомился – не помню, на чьем реферате – с Р.Э. Классоном. Один технолог выразил желание, чтобы на предстоящем реферате Р.Э. Классона о первобытной семье**, кроме его секундантов-марксистов, «т.е. технологгов», выступали и «антимарксисты, т.е. студенты университета», с выразительным взглядом на меня.*

Я выразил недоумение по поводу зачисления Маркса по технологическому ведомству, а меня, – на основании столь несущественного признака, как [университетский] студенческий мундир, в ряды антимарксистов. Р.Э. Классон пожелал, чтобы в таком случае я после [прочтения] его реферата поддержал не стоявшую в прямой связи с темой этого реферата определенно марксистскую резолюцию.

<...> С тех пор технологи, – чаще всего сам Р.Э. Классон, иногда его коллеги, всякий раз представлявшие несомненные доказательства того, что они имеют с ним дело, – иногда приходили ко мне с текущей немецкой социал-демократической литературой, которую я возвращал с приложением своего перевода. Они уверяли, что эти переводы проникают в рабочую среду <...>.

* А. Воден. На заре «легального марксизма» // Летописи марксизма, т III, 1927.

** Возможно, этот реферат базировался на вышедшем в 1884 г. труде Ф. Энгельса (соратника К. Маркса) «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Связь студентов-технологов с рабочей средой была отражена в другой статье БСЭ – «Бруснева группа». Продолжим петербургские воспоминания А.М. Водена:

Через несколько дней [(после того, как я прочитал реферат по Туну в большом зале, переполненном пестрой по составу публикой)] ко мне явились технологи, не одобрили инициаторов привлечения «широких кругов», выразили недоумение по поводу противоречивых слухов о «сумбурном сборище», заявили, что предпочитают не «словоблудствовать перед четвероногими» (фразеология Р.Э. Классона), а дело делать с рабочими, дискуссию о плехановской программе [(пропаганды марксистских идей)] в «широких кругах» считают вредной, а мысль положить конец жандармским процессам – вряд ли осуществимой. Мне они убедительно посоветовали временно бездействовать, обещали давать переводы «по-прежнему», «а там видно будет».

<...> Из моей петербургской жизни остается отметить еще то, что – по приглашению технологов – я [1 мая 1891 г.] съездил на лодке на взморье с врученным мне предварительно экземпляром резолюции, выслушал речи других, говоривших с лодок, ораторов и обосновывал эту резолюцию. Затем я вернулся к Стрелке [Васильевского острова], а о дальнейшем ходе этой первомайской демонстрации на суше узнал от технологов через несколько дней.

А вот эпизоды заграничных контактов А.М. Водена с Робертом Эдуардовичем:

Получив, наконец, Aufenthaltserlaubnis [(разрешение на жительство)] в середине мая [1892 г.], я в тот же день уехал из Берлина. По дороге в Швейцарию я заехал во Франкфурт-на-Майне по настойчивому приглашению Р.Э. Классона, служившего на заводе, и пробыл там с неделю. Я обязан констатировать, что я не мог не считать Р.Э. Классона наиболее дельным и вдумчивым из тех активных русских марксистов, с которыми я имел дело до сих пор. Он живо интересовался социалистической литературой – не только немецкой. Его отзывы о книгах были метки, продуманы и прочувствованы. Уже тогда, обсуждая возражения против теории концентрации капиталов и иронизируя насчет мелких двигателей, как панацеи против концентрации, он доказывал осуществимость и целесообразность использования мощных источников энергии.

К реальным перспективам для рабочего движения от достижения социал-демократией власти Р.Э. Классон уже тогда относился весьма скептически, причем этот скептицизм вытекал не только – как у тогдашнего Парвуса – из соображений относительно трудности осуществлять социалистический строй в отдельных странах, но и из наблюдений над провинциальными социал-демократами и их образом действий не на парадных собраниях, а в повседневной практике*.

Относительно рабочего движения в России Р.Э. Классон выражал уверенность, что его рост, в ближайшем будущем, приведет к массовым вооруженным конфликтам, и с увлечением развивал свои соображения о целесообразнейшей постановке технической стороны уличных боев. Для себя он предусматривал арест, вскоре после возвращения в Россию, но подчеркивал, что и в дальнейшем он удовлетворится только революционной деятельностью.

* Александр (Лейба) Лазаревич Гельфанд-Парвус был весьма неоднозначным персонажем среди российских революционеров и европейских социал-демократов. Наиболее темная история с его участием произошла в годы первой мировой войны, когда он выступал посредником между большевиками во главе с В.И. Ульяновым-Лениным и Германией при реализации сложной, закамуфлированной схемы по перекачке немецких денег «на революцию» в России.

Что касается провинциальных социал-демократов, то приведем здесь нелицеприятное наблюдение С.Н. Мотовиловой из письма И.Р. Классону: «Помню, как каждое 1 мая маленькая группа рабочих проходила по нашей улице Маира [в Лозанне]. Впереди шел Мг. Фуле, толстый как бороз. Это были лозаннские социал-демократы, человек двадцать-тридцать, шли за город [на маевку], а потом в пивную. Мне они были неприятны» (ф. 9508 РГАЭ).

Весьма смелый взгляд в будущее: за тринадцать лет до реальных схваток московского пролетариата с жандармами и казаками, а затем и с регулярными воинскими частями, вооруженными пушками, рассуждать «о целесообразнейшей постановке технической стороны уличных боев»! Эти рассуждения, по-видимому, не одного Р.Э. Классона, а в массе технологов-марксистов, остались, похоже, опять-таки до сих пор не исследованными российскими историками. Так же как и обстоятельства будущего поворота Роберта Эдуардовича от «революционной деятельности» к «чрезвычайному увлечению революционной стороной передовой техники».

С другой стороны, к свидетельствам А.М. Водена, как считал сам Р.Э. Классон, необходимо было относиться весьма осторожно. Из протокола допроса последнего в ноябре 1893-го:

Потом [(после встречи с Плехановым)] я с удивлением услышал от Водена, русского студента, учившегося в Женеве, который от нечего делать посещал Плеханова, что тот будто принял наше оттомалчиванье за согласие передать [русской] интеллигенции, что он нуждается в деньгах. Я думаю, что тут перепутал Воден, который на это, по своей болезненности и нервности, вполне способен. Больше ни я, ни Коробко Плеханова не видели, так что этот вопрос остался невыясненным.

И из протокола допроса Р.Э. Классона в январе 1894 г.:

Узнав во Франкфурте, из письма Коробки или Григорьевой, об аресте по политическому делу моего товарища Бруснева, я передал об этом жене, которая в свою очередь сообщила в письме [Алине Антоновне] Мотовиловой, жившей тогда в Швейцарии, так как я был с Брусневым в хороших отношениях. Мотовилова обо всем этом рассказала Водену, который имея привычку все преувеличивать, стал утверждать, что после ареста Бруснева и мне нельзя вернуться в Россию, потому что и меня арестуют за такое знакомство.

<...> Письмо от 20 Сентября 1892 г. писано моею женою ко мне. Во время посещения нами [с Коробкой] Плеханова он просил у нас денег лично для себя. Мы с Коробкой, как я уже показывал, старались отделаться молчанием, о чем Плеханов и передал Водену. Последний же все слышанное им сейчас же передал другим, причем он всегда путает факты. Плеханов, например, никогда не высказывал, что может достать денег на нечто стоящее, а напротив он жаловался на полное отсутствие у него всяких средств.

<...> Письмо без подписи и обозначения времени, начинающееся словами «Соничка, Вы, верно, предупреждены <...>», писано [А.А.] Мотовиловой к моей жене. Под словами «наш сын» подразумевается Воден, которого Мотовилова называла так в шутку. Воден вообще отличается многими физическими странностями и держит себя как маленький ребенок, почему и отношения к нему были всегда шутливые.

К показаниям Р.Э. Классона и Я.П. Коробко о своих встречах с революционерами в Швейцарии мы обязательно вернемся. А пока продолжим цитировать «маленького ребенка» А.М. Водена, теперь в части его «теоретической подготовки» Робертом Эдуардовичем, в преддверии визита к видным представителям группы «Освобождение труда»:

Меня он побуждал выяснить Плеханову, что на золотой дождь из России нельзя рассчитывать, ибо там деньги нужны для работы на местах, и что средства на издание [за границей] литературы и на транспорт будут отпускаться при непременно условии тщательного контроля над целесообразностью их расходования. Кроме того, он поручил мне изложить Плеханову пожелания своих петербургских товарищей относительно целесообразнейшей литературы для рабочих. Он рассчитывал, что я подготовлю почву, а затем он и сам побывает и у Аксельрода, и у Плеханова и внушит, кому следует, «надлежащие мысли».

<...> Он [(П.Б. Аксельрод в Цюрихе)] выразил сожаление, что я явился не в качестве официального уполномоченного от петербургской организации. Но я, констатировав, что не имею чести к таковой формально принадлежать, старался убедить его, что для роли официального уполномоченного не годился бы, и утешал его перспективой, что он вскоре будет иметь «сомнительное удовольствие» (я предчувствовал, что с Р.Э. Классоном ему не суждено ужиться в мире и согласии) беседовать с одним из активнейших петербургских деятелей.

И, не называя имени, я передал одно из поручений Р.Э. Классона к Плеханову, а именно, что на деньги из России в большом количестве рассчитывать не следует.

После А.М. Водена наконец-то появился в Швейцарии и сам Р.Э. Классон:

В Лозанне родственники Классона передавали мне его запросы: повидался ли я уже с «женевским божком», но я в Морнэ не спешил*. <...> В Морнэ я в первый раз побывал в середине июня 1892 г.

<...> Я передал ему [(Плеханову)] пожелания группы технологов в формулировке Р.Э. Классона. Г.В. очень неодобрительно отнесся к желанию иметь только «литературу для рабочих». С очевидно долго накопившимся раздражением он утверждал, что под этим – по крайней мере, в заграничной русской среде – обыкновенно кроется лень, нежелание самим научиться марксистки мыслить.

<...> Показался в Швейцарии и сам Р.Э. Классон, о чем Р.М. Плеханова со всеми онерами** изложила в комментариях к напечатанным ею показаниям Р.Э. Классона, в которых он амикошонствовал с жандармами – излагал – не понимаю для чего им, что «я бывал в Морнэ от нечего делать» и т.д.

Тогда Р.Э. Классон был недоволен, что я не сумел или не захотел «подготовить почву для внушения эмигрантам надлежащих мыслей». Я очень часто встречал его в Лозанне и несколько раз в Морнэ, уклоняясь от присутствия на конкретно-деловых разговорах между ним и Плехановым.

Впоследствии я слышал от Мотовиловых (родственниц супруги Р.Э. Классона, у которых я давал уроки <...>), что Р.Э. Классон неоднократно и детально писал из Женевы и ее окрестностей своей супруге, жившей в Лозанне, излагая в подробностях и не стесняясь в выражениях, что именно он слышал и кого он встречал в Морнэ, а затем эти письма, привезенные супругою Классона в Петербург, были обнаружены жандармами на случайном обыске. <...> В июле 1893 г. он сообщил мне, что их группа постановила «валить на заграничников все, что можно».

Отметим здесь, что обыск на охтинской квартире Классонов был вовсе не случайным: как мы уже видели, Роберт Эдуардович «засветился» своим письмом из Цюриха при обыске на квартире М.И. Бруснева в апреле 1892-го (или в результате дальнейшего перехвата корреспонденции последнего).

В очерке «В Северной Пальмире и на Охте» мы процитируем, как при допросах Р.Э. Классона и Я.П. Коробко в Жандармском управлении в ноябре 1893-го они «валили на заграничников все, что можно». Выдержки из протоколов допросов были обнародованы в 1920-х, с непристойными комментариями сторонников группы «Освобождение труда». Хотя даже недалекий А.М. Воден мог бы уразуметь: использование такого предлога для визита в Морнэ – «от нечего делать», это всего лишь элементарный, достаточно примитивный способ затушевать перед жандармами свою «антиправительственную деятельность», представить контакты с революционерами случайными.

* Пригород Женевы, где жили Г.В. и Р.М. Плехановы и В.И. Засулич.

** Со всеми онерами (от фр. honneur, букв. почет) – со всем, что полагается, со всеми полагающимися принадлежностями.

В итоге ни Р.Э. Классон, ни Я.П. Коробко арестованы, к счастью, не были, а попали лишь под негласный полицейский надзор...

Дадим здесь заодно отрывок касательно некоторых швейцарских эпизодов того времени из главки «О Плеханове» довольно живых воспоминаний С.Н. Мотовиловой (из машинописного оригинала), которые были опубликованы в советское время в весьма обкорнанном виде* :

Имя Плеханова я услышала впервые в 1891 году. Мы переехали из Симбирска жить в Швейцарию, в Лозанну. Плеханов жил тогда в Женеве и, насколько я помню, вместе с Верой Засулич.

Мой дядя Классон (он тогда с моей теткой жил во Франкфурте) только что окончил Технологический институт и приехал работать, очевидно, для практики, в Германию. От времени до времени Классон направлял к нам, в Лозанну, своих знакомых.

В то время у нас часто бывал один его знакомый, Воден, тогда еще юноша лет двадцати с чем-то, поражавший всех своей образованностью. Этот Воден – по-моему, он был тогда марксистом – часто бывал у Плеханова и Засулич. Что он о них рассказывал, я, конечно, не помню – мне было тогда десять лет. Впечатление у меня все-таки сложилось, что и Плеханов и Засулич очень нуждались.

<...> Однажды летом, выйдя из отеля в Salvan, где мы обедали, мы с удивлением увидели Водена, завернутого в какую-то зеленую шаль. Это были не шестидесятые, а девяностые годы, и тогда мужчины шали [уже] не носили. Оказалось, что шаль-то была не Водена, а Веры Засулич. Нам показалось возмутительным: как можно носить чужие вещи! Тогда мы, дети, не знали, конечно, зачем приезжал к нам в Salvan Воден, но уже потом я узнала, что он приезжал занять денег у мамы для Веры Засулич, которая должна была ехать в Россию, конечно, нелегально, а денег на дорогу не было.

*Должно быть осенью 1891 (или 92-го года) к нам приехали тетя Соня, ее муж Классон и его друг Коробко.** Классон и Коробко поехали в Женеву повидаться с Плехановым. Вернувшись в Лозанну, они с большим интересом рассказывали о Плеханове и Засулич, которые жили тогда вместе. Зачем они ездили к Плеханову? О чем с ним говорили? Этого я, конечно, понять не могла, но некоторые мелочи из их рассказов запомнила.*

Жили и Плеханов и Засулич очень бедно, чайных ложек у них не было, а чай размешивали одним и тем же перочинным ножом. Классона и Коробку удивило, что Засулич была уже немолодой, она им представлялась молодой девушкой, какой она была во время выстрела в Трепова.

Помню еще, что Классон сказал Плеханову: «Быть в Швейцарии и не заехать к Вам – это все равно что быть в Женеве и не заехать в Фернэ к Вольтеру». Это сравнение Классона Плеханову, по-видимому, понравилось.

Имя Вольтера мне тогда уже было известно, но тут я впервые узнала, что Вольтер жил в Фернэ возле Женевы. Поездка Классона и Коробки к Плеханову внесла большое оживление в нашу жизнь. Разговорам о ней среди взрослых не было конца.

Помнится, Плеханов произвел на них сильное впечатление и очень им понравился. Классон и Коробко принадлежали к кружку петербургских марксистов, и, очевидно, им было о чем поговорить с Плехановым.

* Минувшее. «Новый мир», №12, 1963.

** Все документы указывают на то, что это произошло в 1892-м: Сонечка Классон родилась в Лозанне у тети Алины 9 октября нов. стиля, или же 27 сентября ст. стиля, того же года (однако, с 1.1.1901 г. разница между нов. и ст. стилем составляет уже 13 дней, а поскольку Софья затем «вернулась в царскую Россию и старый стиль» и полноценно прожила 29 февраля 1901 г., то поэтому отмечать, например, 125-летие со дня рождения С.Р. Мотовиловой-Богомоловой-Гардениной стоило бы 10 октября 2017 г.).

Обоснование – см. (ricolor.org/history/kalend/5/).

*Затем Классон уехал в Петербург. Его жена, тетя Соня, очень боялась, что он будет арестован; тогда заболела их годовалая дочь, тетя оставила ее у нас в Швейцарии, а сама уехала в Петербург, так как боялась за судьбу мужа.**

К кружку петербургских марксистов, кроме Классона и Коробки, принадлежали Красины, Радченко, других фамилий не помню. После отъезда Классона в Петербург у нас в Лозанне несколько раз бывал Плеханов. Через маму он передавал что-то петербургским марксистам. Я Плеханова тогда не видела, он бывал у мамы днем, когда мы, дети были в школе. Но всякий раз после его посещения мама была особенно оживлена. Плеханов маме очень нравился, казался ей очень умным, остроумным.

Мама должна была ехать в Петербург, отвезти тете Соне их дочку и одновременно передать петербургским марксистам, что говорит Плеханов по таким-то и таким-то вопросам. Тогда стоял вопрос «о рынках». Мама в этих вопросах плохо разбиралась, но из конспирации ей строго-настрого запретили что-то записывать – нужно было все запомнить и передать устно. Классоновская дочка Сонечка у нас очень хорошо поправилась, и мама привезла ее здоровенькой на Охту, где они тогда жили. Известие о мамином приезде вызвало там сенсацию среди друзей Классона, они все сошлись к нему и засыпали маму вопросами: что говорит Плеханов о том-то и о том-то? Это показывает, как высоко тогда стоял авторитет Плеханова среди наших марксистов. Мама потом вспоминала, как она старалась точно передать плехановские слова.

Уже после революции я прочла негодующую статью Плехановой (жены Плеханова) по поводу допроса в жандармском управлении Классона и Коробки, который ей попал в руки. Но разве можно принимать всерьез то, что люди говорили на допросах в жандармском управлении! Естественно, они ввали, старались себя или других выгородить.

У меня этой статьи Плехановой нет сейчас в руках, читала я ее давно. Помнится, и Классон, и Коробко отвечали так, будто бы они поехали к Плеханову просто так, из любопытства, и на многое отвечали в шутовском тоне. Что же, они должны были жандармам рассказывать, зачем они ездили к Плеханову, и как глубоко его уважают? Смешно требовать, чтоб на допросах в жандармском управлении люди говорили правду! (ф. 786 отдела рукописей РГБ)

Приведем далее ряд намеков других знакомых Роберта Эдуардовича о его «противоправительственной деятельности». Из перехваченного полицией письма Лидии Капитоновны Агринской из Петербурга от апреля 1892-го в Цюрих (для своего жениха, студента местного политехникума Павла Федоровича Теплова): “Адрес [во Франкфурте], который ты давно желал – Heinestrasse, 39. II, фамилия оканчивается на «он». В июле намерен вернуться, не хочет быть больше «зрителем чужой жизни». Постарайся увидеть – может быть полезен”. Но Р.Э. Классон вернулся в Россию лишь в мае 1893-го.

Вообще эта «сладкая парочка» (Л.К. Агринская и П.Ф. Теплов) уделила достаточно много места Роберту Эдуардовичу в своей переписке. Цюрихский студент, по-видимому, имел какие-то «пропагандистские виды» на него. Из перехваченного полицией его письма (без подписи, для конспирации) из Цюриха от апреля 1892-го к Л.К. Агринской в Петербург:

Сообщи в следующем письме, уведомили ли К-на о желании с ним познакомиться, если нет, то устрой это, пожалуйста. Вы там и не подозреваете, может быть, всей важности могущих быть от этого результатов для обеих сторон.

* Возможно, что «болезнь годовалой Сонечки» была вызвана сделанной ей в Лозанне 2 июня 1893 г. (нов. ст.) прививкой от оспы, т.е. в возрасте 8 месяцев. Но, согласно показаниям С.И. Мотовиловой в Департаменте полиции от 23 ноября 1893 г., ее старшая дочь заболела уже после приезда в Петербург:

Первый раз была за границей в Германии и Швейцарии в 1891 г., где и пробыла около двух лет, т.к. муж служил во Франкфурте, откуда возвратилась в июле 1893 г., затем в сентябре сего же года выехала в Швейцарию, отвезя туда больную свою дочь, и возвратилась в Россию в октябре сего года.

Большое желание выражает с ним повидаться один из тех двух, с которыми, помнишь, я собирался познакомиться при отъезде за границу.

Скорее всего, в последней фразе зашифрованы П.Б. Аксельрод и Г.В. Плеханов. Но тогда выходит, что П.Ф. Теплов намерен был сыграть роль лишь посредника? И, действительно, его следы обнаруживаются при свидании Р.Э. Классона с П.Б. Аксельродом (см. очерк «В Северной Пальмире и на Охте»).

Насколько можно судить по информации Департамента полиции, в Петербурге «подпольная деятельность» Р.Э. Классона какое-то время продолжалась. Из справки на О.К. Григорьеву-Витмер:

21 Мая 1893 г. на имя Агринской в Цюрихе было отправлено из Петербурга письмо без подписи, следующего содержания: «Мой знакомый действительно рассказывал мне о своей поездке и сообщил некоторые сведения; все они неутешительного свойства и весьма огорчили меня. <...> Наш общий знакомый просит вашего мужа прислать ему недостающие сведения как можно скорее. Пока они не будут получены, никаких разговоров не может быть, и ни на один вопрос я ответить определенно не могу. <...>».*

29 Мая Лидия Агринская отправила своей сестре Елизавете для передачи Григорьевой записку следующего содержания: «<...> Попросите вашего знакомого прислать адрес моему мужу и, по возможности, скорее. Не забудьте исполнить это».

Сообщая о сем С.-Петербургскому Градоначальнику, Департамент просил выяснить знакомого Григорьевой, намеревающегося вступить в сношения с проживающим в Цюрихе сожителем Агринской Павлом Тепловым. 3 Июля С.Петербургский Градоначальник уведомил, что выясненные сношения Ольги Григорьевой дают основания заключать, что знакомый Агринской есть инженер-технолог Роберт-Артур Эдуардов Классон, который проживал за границей с Июля 1891 г. и прибыл в Петербург 8 Мая 1893 г., т.к. наблюдением за Григорьевой установлены близкие сношения ее с Классоном.

*Ольга Константиновна Витмер (Григорьева),
«имевшая близкие сношения с Классоном»*

* Эта барышня уже уехала к своему жениху П.Ф. Теплову в Цюрих.

Понятно, что термин «близкие сношения» в конце XIX века носил не нынешний, сексуальный, а чисто житейский смысл (визиты друг к другу, беседы и т.д.). Н.К. Крупская об этом периоде деятельности Р.Э. Классона вспоминала в 1926-м так:

После окончания Технологического института Роберт Эдуардович уехал за границу, во Франкфурт. Он вернулся оттуда увлеченный романтикой техники. Пожив в Германии, поработав там в качестве инженера в передовом предприятии, он ощутил революционную сторону техники, и она до чрезвычайности его увлекла. Это пребывание во Франкфурте предопределило его дальнейшую деятельность.

Правда, будучи за границей, Р.Э. заезжал и в Женеву к группе «Освобождение труда», которая в то время жила страшно оторванно от России. Я помню рассказы Р.Э. о том, как тяжело жилось Плеханову, Засулич, Аксельроду, как рады они были всякому человеку, приезжавшему из России, и как очень мало кто решался заходить к ним. (сборник «Памяти Р.Э. Классона»)

И о том же, годом ранее:

Группа «Освобождение труда жила от России оторванно, жила за границей в годы глухой реакции – заезжий из России студент был уже событием, но заезжать опасались. Когда к ним в начале [18]90-х годов заехали Классон и Коробко, их тотчас же по возвращении [в Россию] вызвали в жандармское отделение, спрашивали, зачем ездили к Плеханову? Слежка была организована образцово. (Н.К. Крупская. Воспоминания. М., 1925)

«Полицейские подробности» последнего эпизода будут приведены опять же в очерке «В Северной Пальмире и на Охте».

За корреспонденцией Р.Э. Классона, который в 1893-м снял питерскую квартиру в доме 49 по Николаевской улице, было установлено наблюдение (так же как и в отношении почты супругов Витмер). И все же здесь, похоже, тоже реализовалось чрезвычайное везение в отношении Роберта Эдуардовича: после обыска на охтинской квартире и допросов Р.Э. и С.И. Классонов и Я.П. Коробко в Жандармском управлении, они, по-видимому, были весьма напуганы и больше не помышляли об активной «противоправительственной деятельности». Кроме того, в 1897-м Р.Э. Классон перешел работать в «Общество электрического освещения 1886 года» и в том же году переехал в Москву, тем самым оборвав почти все связи с петербургскими революционерами. Хотя некоторые контакты, большей частью служебные (с тем же Л.Б. Красиным), у него с ними сохранялись. Это видно из результатов установленного за Р.Э. Классоном негласного полицейского надзора. Но обо всем по порядку...

Вернемся к инженерной деятельности Роберта Эдуардовича. Что же произошло после того, как Р.Э. Классон окончил институт? На наш взгляд – невероятное, счастливое стечение обстоятельств, которое действительно вывело его на электротехнику, или на передовые позиции зарождавшейся в конце XIX – начале XX веков промышленной энергетики (на трехфазном токе!). И это со всей очевидностью мы увидим ниже.

В 1951-м бывший практикант Р.Э. Классона, академик Александр Васильевич Винтер сделал доклад, посвященный 25-летию со дня смерти своего учителя*. И там он привел весьма сомнительные тезисы:

По семейным воспоминаниям о гимназических годах Р.Э. Классона известно, что он уже тогда интересовался вопросами электричества и электротехники. Жажда знаний в этой области не покидала его и в студенческие годы.

* На заседании Отделения технических наук АН СССР, Комиссии по истории техники ОТИ АН СССР и других организаций. Доклад был опубликован затем в «Известиях АН СССР. Отделение технических наук». 1951, №9.

Однако эти его запросы оставались неудовлетворенными, потому что ни в одном высшем техническом учебном заведении России не преподавалась электротехника. Желая, тем не менее, посвятить свою дальнейшую деятельность электротехнике и электростроительству, Р.Э. Классон по окончании Петербургского технологического института поехал в Германию, чтобы приобрести нужные знания по интересовавшим его дисциплинам электротехники.

Прослушав курс лекций по электричеству, Р.Э. принял участие в устройстве, испытании и демонстрации первой в мире передачи электроэнергии на дальнее расстояние переменным трехфазным током при напряжении 28 000 в из Лауфена во Франкфурт-на-Майне: передаваемая мощность достигала 300 квт.

Трудно сейчас сказать, чем руководствовался А.В. Винтер, озвучивая такие мифы о своем учителе. Может быть, на этом настоял партийный босс в Академии наук, исходя из своих, идеологических соображений? По крайней мере, «идеологические уши» торчат из доклада весьма явственно.

Чего стоит, например, такая «идеологически правильная» фраза из того же доклада: «Шатурская электростанция была построена по ленинско-сталинскому плану ГОЭЛРО, одним из активных участников разработки которого был Р.Э. Классон».

Роберт Эдуардович действительно участвовал в разработке плана ГОЭЛРО, но И.В. Джугашвили-Сталин никоим образом не стоял рядом с В.И. Ульяновым-Лениным у его истоков. Этот миф был создан, понятное дело, при «культе личности». Кроме того, как уже упоминалось в очерке «Охотничье ружье – за серебряную медаль», Роберт в гимназические годы имел два сильных увлечения, оставившие след в «семейных воспоминаниях»: добился искусства в жонглировании одновременно пятью мячами и, постарше, влюбился в какую-то девицу. И оба раза оставался из-за этого на второй год.

Невероятное, счастливое стечение обстоятельств подтверждает и сын Р.Э. Классона – Иван, говоря об исключительном везении Роберта Эдуардовича как инженера:

Отец говорил, что ему везло в работе: никогда не происходило столько аварий, и он учился на них (и называл бенефисами!). О самой большой из них – взрыве гремучего газа в помещении аккумуляторной батареи электростанции «Белый Город» в Баку – он сразу опубликовал статью в немецком техническом журнале. Вернее сказать, что ему везло и в жизни, и в работе.

Ему везло уже с детства тем, что он курил только во втором классе гимназии, но не втянулся, бросил и никогда больше не курил, что только в восьмом классе он много играл в преферанс (неазартная карточная игра), но потом никогда картами не интересовался, что всю жизнь любил хорошее вино и особенно пиво (иногда пил ликеры и коньяк), но чувствовал отвращение к водке и не бывал с похмелья. В питье имел чувство меры, и поэтому не стал алкоголиком. Он чувствовал, когда больше пить не следует и говорил, что только два раза в жизни не послушался этого чувства, выпил лишнее и пожалел.

Ему повезло и в том, что он с детства, кроме русского, знал хорошо немецкий и французский языки и благодаря этому был рекомендован директором Технологического института после его окончания в 1891 г. на работу в технической конторе инженера Линдлея во Франкфурте-на-Майне, просившего направить к нему из оканчивающих институт русского инженера, который знает немецкий язык.

Повезло в том, что Линдлей был англичанин и внушил Классону, что инженер обязательно должен знать и английский язык, и отец ему научился, так что с тех пор всегда читал и американские технические журналы.

Р.Э. Классон (слева) со своим бывшим шефом В. Линдлеем (в центре), Баку, 1902 г.

Ему повезло и в том, что именно в 1891 г. и именно во Франкфурте была Международная электротехническая выставка, главным экспонатом которой стала опытная передача трехфазным током Лауфен – Франкфурт. А Классон участвовал в ее испытаниях. Она показала несомненные преимущества перед постоянным током при передаче мощности и энергии на большие расстояния. Поэтому Классон и стал далее проектировать и строить именно электростанции на трехфазном токе.

Конечно, на самом деле причинами выдающихся успехов инженерной деятельности отца были более глубокие и постоянно действовавшие факторы – его исключительные ум, наблюдательность, память (кроме слабой памяти на лица), способности к физике, механике, экономике, психологии, иностранным языкам, чувство красоты в природе и искусстве. Все это вместе с жизнерадостностью и длительной увлеченностью своими работами сочеталось с огромной выдержкой и пунктуальностью (ф. 9508 РГАЭ).

В итоге Р.Э. Классон стал, по сути, основоположником российской промышленной электроэнергетики.

Действительно, именно Роберт Эдуардович внедрил трехфазный ток и паровые турбины в промышленных масштабах, электрифицировал нефтяные промыслы в Баку, Первопрестольную и Московскую губернию (насколько позволили сделать это ему местные власти), освоил параллельную работу электростанций, связанных линиями передачи высокого напряжения. И все это происходило задолго до непомерно раздутого большевиками, по своим идеологическим соображениям, плана ГОЭЛРО*.

После его смерти в 1926-м отечественная электроэнергетика развивалась в основном путем повышения количественных параметров (температуры и давления пара, мощности блоков и напряжения линий электропередачи). Понятно, что при этом внедрялись и разнообразные технические усовершенствования (например, преобразование переменного тока в постоянный не электромашинными устройствами, а ртутными и затем тиристорными выпрямителями), да и научная мысль не стояла на месте.

Однако лишь в начале XXI века на электростанциях в России стала распространяться качественно новая технология – газовые и парогазовые установки с более высоким КПД, чем у паровых блоков. Но мы забежали далеко вперед.

Итак, после получения высшего образования (в мае 1891-го) Р.Э. Классон сразу же уехал за границу, где проработал два года в технической конторе английского инженера Вильяма Линдлея во Франкфурте-на-Майне в Германии. Как вспоминал сын Иван, именно уже более опытная в жизни жена Софья Ивановна настояла на том, чтобы Роберт Эдуардович немедленно принял приглашение англичанина – дабы избежать его возможного ареста в Петербурге («за политику»). А оказия, как было уже упомянуто, возникла в связи с тем, что В. Линдлей просил директора (ректора) Технологического института рекомендовать ему одного из оканчивающих студентов, который хорошо бы знал немецкий язык.**

Англичанин, чья контора выполняла работы и в России, намеревался научиться русскому языку у своего молодого сотрудника. Это намерение по разным причинам реализовать не удалось. Зато одного высказывания шефа о том, что для инженера обязательно знание английского языка, было достаточным, чтобы Р.Э. Классон тогда же, во Франкфурте начал его изучать. А затем всю жизнь – следить за американскими и немецкими журналами, и самому неоднократно в них публиковаться. Правда, художественную литературу на английском он все-таки не читал.

У В. Линдлея Р.Э. Классон выполнял проектные работы по водоснабжению и канализации сточных вод городов, в том числе проект насосной станции канализации для немецкого Мангейма. А в начале 1900-х пути Р.Э. Классона и бывшего его шефа еще раз пересеклись – на этот раз в Баку, где последний проектировал водоснабжение (знаменитый Самурский водопровод) и канализацию города.

Их инженерное общение по поводу сложностей с очисткой от водорослей морской воды, забираемой на технологические нужды электростанций, отражено несколькими строчками в Бакинском дневнике Роберта Эдуардовича.

* Автор здесь никоим образом не подвергает сомнению необходимость массовой электрификации Советской России – СССР.

** Скорее всего, это еще был «старый директор» Николай Павлович Ильин (назначенный членом совета Министра Народного Просвещения лишь 30 августа 1891 г.), а не «новый директор» Харлампий Сергеевич Головин.

В личном составе Института в 1891 году произошли следующие изменения: а) Выбыли: <...> 2. За назначением членом совета Министра Народного просвещения, директор и заслуженный профессор, тайный советник Н.П. Ильин <...>. г) перемещены: пом. директора харьковского технологического Института действительный статский советник Х.С. Головин директором С.-П. Технологического Института <...>. – Краткий отчет по С.-Петербургскому Практическому Технологическому Институту за 1891 год // Известия Санкт-Петербургского Практического Технологического Института. 1891 и 1892 годы. СПб., 1892

Однажды во Франкфурте В. Линдлей послал Роберта – инженера, окончившего механическое отделение «практического технологического института», – проверить, правильно ли дармштадтские студенты снимают индикаторные диаграммы паровых машин. При этом последний впервые увидел, как снимаются эти самые диаграммы! Правда, сие утверждение почерпнуто из семейной легенды, которую невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. В то же время в «Сведениях о лицах, служивших и служащих...» увесистого фолианта «Семидесятипятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического Института, ныне Императора Николая I» (СПб., 1903) приводится такая информация:

Петерс Август Петрович, инженер-технолог выпуска 1862 года. В 1869 г. был утвержден в должности механика при мастерской Института, в каковой состоит и поныне [(т.е. в 1903 году)]. В Институте Август Петрович не только руководил занятиями студентов при изучении ими приемов работ в мастерских – слесарной, токарной, литейной, столярной и других, но занимается с учащимися и руководством инженерными работами, как напр.: съёмкою диаграмм работы пара в паровом цилиндре, работами при изучении детального устройства механических станков, находящихся в мастерских и т.п.

Конечно, снятие индикаторной диаграммы настоящей, с несколькими цилиндрами, паровой машины – это более серьезное занятие, чем испытание лишь одного парового цилиндра, но, выходит, Роберт в Техноложке пропускал последнее (будучи поглощен изучением «Капитала» Карла Маркса?).

Он потом рассказывал сыну Ивану, что во Франкфурте, тоже впервые, начал считать и на логарифмической линейке (упущение преподавателей Петербургского технологического?)^{*}.

В. Линдлей требовал от молодых инженеров, чтобы у них всегда при себе был карандаш – на тот случай, если бы потребовалось записать вдруг возникший вопрос или данные. И эти инженеры однажды подшутили над своим патроном при посещении бани. Когда они оказались нагишом, его вдруг спросили – а где же ваш карандаш? После чего показали изумленному шефу, что они-то все при карандашах, заложенных за уши!

Но задала на всю жизнь вектор инженерной деятельности Р.Э. Классона его работа ассистентом В. Линдлея на проходившей в 1891-м Международной электротехнической выставке во Франкфурте в группах VIII (электрические железные дороги и суда) и IX (электропередача Лауфен – Франкфурт) и участие в испытаниях экспонатов.

Последняя электропередача могла экспонироваться на выставке лишь своим конечным элементом – тысячей ламп накаливания и трехфазным электродвигателем системы талантливой российской электротехники Михаила Осиповича Доливо-Добровольского с насосом, который перекачивал воду на высоту 9 метров, откуда она низвергалась искусственным водопадом.

А начиналась временная ЛЭП (изначальная телеграфная линия) в 175 километрах от выставки на Неккарском естественном водопаде, который вращал турбину и генератор трехфазного тока. Испытание линии электропередачи напряжением 7,5-8,5 киловольт и мощностью 300 лошадиных сил (220 киловатт) показало существенные преимущества трехфазного тока перед постоянным – коэффициент полезного действия ЛЭП доходил до 75%!

^{*} «Он научил этому еще и меня в юности, а потом я – своего младшего сына. В Московском электротехникуме счет на логарифмической линейке преподается как обязательный курс, но не все, его прошедшие, считают потом на линейке: очевидно, не в коня корм!» – Замечание И.Р. Классона, сделанное в 1982 г.

Действительно, девятью годами ранее была испытана линия электропередачи постоянным током Мисбах – Мюнхен протяженностью 57 километров и напряжением до 2 киловольт. Передаваемая мощность не превышала двух лошадиных сил, а КПД линии составил лишь 22%.

После официальных испытаний ЛЭП Лауфен – Франкфурт эта передача испытывалась еще – с участием уже самого М.О. Доливо-Добровольского (сотрудника АЕГ, фирмы – поставщика оборудования) – при повышенном до 28 киловольт напряжении. При испытаниях проводилось много измерений приборами. «В рабочем порядке» была принята норма – 3-4 отсчета за пять секунд. Однако, при интернациональном составе комиссии, оказалось непросто выбрать язык для передачи показаний.

Если отсчеты произносились по-немецки, а записывающий их немцем не был, то он не мог быстро понять и правильно записать двузачные числа – ведь по-немецки сначала произносятся единицы, а потом десятки*.

По-французски же, например, числа 17, 18, 19, 70, 80, 90 называются тоже достаточно сложно: dix-sept (десять плюс семь), dix-huit (десять плюс восемь), dix-neuf (десять плюс девять), soixante-dix (шестьдесят плюс десять), quatre-vingts (четырежды двадцать), quatre-vingts-dix (четырежды двадцать плюс десять). А число 98 – еще сложнее: quatre-vingts-dix-huit (четырежды двадцать плюс десять плюс восемь). Выход был найден в произнесении отсчетов по-французски, но с употреблением для 70, 80, 90 реформированных названий, принятых в Бельгии, Швейцарии или Канаде, но не во Франции: septante, huitante, nonante.

За свою работу Роберт Эдуардович получил «диплом признательности» от 12 января 1892 г.:

Господину инженеру Р. Классону

Здесь

Многоуважаемый господин!

После того как теперь завершены работы испытательной комиссии, нашей приятной обязанностью является высказать горячую благодарность и похвалу за сделанное всем тем, которые как ассистенты и вспомогательные работники так действительно поддержали проведение работ Комиссии своей бескорыстной и самоотверженной деятельностью.

В этом смысле мы просим Вас благоволить принять в знак нашей полной и искренней признательности прилагаемый почетный дар.

Этот документ подписали от имени испытательной комиссии ее председатель Вильям Х. Линдлей и секретарь д-р Э. Эпштейн. Правда, за давностью лет теперь трудно сказать, какой конкретно «почетный дар» вручался участникам испытаний.

В 1894-м Р.Э. Классон опубликовал в журнале «Электричество» статью «По поводу официального отчета о работах испытательной комиссии при электротехнической выставке во Франкфурте в 1891 году», где давал «беглый обзор» испытаний экспонатов. Мы процитируем только один, самый важный для него, эпизод из деятельности комиссии:

Отчет по IX группе «Передача силы из Лауффена во Франкфурт» представляет такой богатый материал, что разбор его потребовал бы отдельной статьи. Мы ограничимся поэтому указанием результатов, которые достигнуты были этим единственным по размерам [проектом]. При напряжении 7 500-8 500 вольт общий коэффициент полезного действия доходил до 75%. Результат несомненно чрезвычайно благоприятный, если принять во внимание дальность расстояния (170 километров).

* «Айн унд цванцих, фир унд зибцих [(один и двадцать, четыре и семьдесят)]», – из монолога А.И. Райкина, написанного для него М.М. Жванецким.

По мнению комиссии, передача на такое большое расстояние током высокого сравнительно напряжения (7 500-8 500 вольт) совершается так же легко и просто, как и передача на большие расстояния при низком напряжении, и при этом масляные изоляторы совершенно удовлетворяют своему назначению. Вопрос о том, оказывает ли емкость линии при этих условиях какое-либо осложняющее влияние на передачу энергии и нужно ли при расчетах принимать во внимание какие-либо потери в линии, кроме обусловленных нагреванием проводов (согласно закону Джоуля), на этот вопрос комиссия ответила отрицательно, по крайней мере для токов небольшой частоты (до 50 периодов в секунду).

При опытах с токами очень высокого напряжения до 28 000 вольт обнаружилось сильное влияние емкости линии. Но к сожалению этот в высшей степени интересный вопрос не мог быть основательно исследован вследствие препятствий со стороны правительственного телеграфного управления и вследствие краткости срока [испытаний].

В распоряжении комиссии было всего 5-6 дней между окончанием выставки и переходом динамо-машин в собственность городской станции Гейльбронна. Но и при этом напряжении (число периодов пришлось понизить до 24 в секунду) общий коэффициент полезного действия при передаче во Франкфурт 180 действительных [лошадиных]* сил был около 75%.

Изоляторы с одним слоем масла действовали вполне удовлетворительно, и единственный случай произошел с большим тройным изолятором, фарфоровая головка которого была пробита током при 28 000 вольт, что повело за собою воспламенение столба. Вообще можно сказать, что опыты с током выше 15 000-20 000 вольт указали на целый ряд интересных явлений, требующих дальнейшей разработки.

Как на пример укажем на возвышение напряжения в конце первичной цепи у трансформаторов на 8-9% против начального напряжения у зажимов машины – под влиянием электростатической емкости линии.

Эти и другие испытания весьма существенно пополнили научно-технический багаж Роберта Эдуардовича (напомним, учившегося в Технологическом институте на механическом отделении, проходившего преддипломную практику помощником машиниста паровоза и выполнившего в качестве дипломного проекта расчеты и чертежи паровоза!).

И многое из этого багажа пригодилось при освоении новой техники трехфазного тока на Охтинских пороховых заводах, при проектировании, строительстве, монтаже, наладке электростанций в Петербурге, Москве (в городе и в губернии) и в Баку.

Закончить этот очерк хотелось бы описанием (как урок и даже наводка будущим исследователям) безуспешных попыток разыскать упомянутое письмо Р.Э. Классона из Цюриха от 15 апреля 1892 г. М.И. Брусневу в Москву: ведь интересно же было бы прочитать тогдашние мысли Роберта Эдуардовича о «революционной борьбе»!

Автор этих строк сначала работал с материалами Департамента полиции. К счастью, сохранилась подробнейшая и потому весьма объемная картотека на каждого «революционера», попавшего на заметку одному подразделению царского МВД. И в карточках на Роберта Эдуардова Классона содержатся многочисленные пометы, согласно весьма разветвленной структуре делопроизводства в Департаменте полиции: Особый отдел, «СС» – перлюстрация писем, 3-е, 5-е, 6-е, 7-е делопроизводство и т.д. И эти же обозначения были перенесены в описи дел уже советскими архивистами.

* Имеется в виду активная мощность.

Однако ни в одном из сохранившихся дел Департамента полиции (ф. 102) найти письмо Р.Э. Классона М.И. Брусневу не удалось. В то же время многие упомянутые в картотеке дела в описях ГАРФ попросту физически отсутствуют. Например, нет дела №131, разделенного на 3 тома (значит, в нем имелось, по крайней мере, несколько сотен страниц), которое числилось по 7-му делопроизводству (обычно сюда помещались, в том числе, материалы о дознаниях).

Первоначально автор этих строк пристрастно предположил, что сии материалы «слямзили» еще в 1920-х Л.Г. Дейч (в 1918-21 годах он работал научным сотрудником Историко-революционного архива) «со товарищи», которые выпускали сборники группы «Освобождение труда», с публикацией материалов из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча (включая выдержки протоколов допросов Р.Э. Классона и Я.П. Коробко), а также воспоминаний Розы Марковны Плехановой, жены Георгия Валентиновича (см. очерк «В Северной Пальмире и на Охте»).

Дальнейшие розыски в фонде 63 (Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Москве) позволили узнать много интересного об обыске и аресте М.И. Бруснева, но ничего содержательного – по громкому делу «О Московском революционном кружке». Через несколько лет я вернулся к прежнему розыску, и перемещения из читального зала в «каталог», где хранятся не только карточки Департамента полиции, но и картотека на «революционеров», принадлежавшая Московскому губернскому жандармскому управлению (МГЖУ), и тематическая картотека, составленная, по-видимому, уже советскими архивистами, на «революционное рабочее движение, подвигли меня на более предметное изучение ф. 58 – материалы МГЖУ.

Как ни странно, в описи №1 ф. 58 МГЖУ (секретная часть за 1868-1905 гг.) отсутствуют дела «О Московском революционном кружке» – ни за 1892-й, ни за 1893 год. Кроме того, в картотеке МГЖУ отсутствуют карточки на М.И. Бруснева и М.М. Егупова, как и в тематической картотеке – ссылка на «Московский революционный кружок». В то же время мне в «каталоге» посоветовали, по поводу письма Р.Э. Классона к М.И. Брусневу, изучить фонд №1167 «Коллекция вещественных доказательств, изъятых при обысках редакций, газет и отдельных лиц». Потратив несколько часов на просмотр описей многих тысяч «вещдоков», я опять же не обнаружил ссылок на М.И. Бруснева, М.М. Егупова и Р.Э. Классона.

Тогда я решил, что громкое дело «О московском революционном кружке» по окончании расследования было передано в Петербург, в Департамент полиции. И опять обратился к фонду 102, применив при этом технологию «пересечения ссылок». Полицейская картотека и по М.И. Брусневу, и по М.М. Егупову, и по Р.Э. Классону указывала, в 7-м делопроизводстве, на объемистое, в трех томах, дело №131 за 1892 г. Однако, как мы уже отмечали, оно отсутствует в ф. 102 (опись 189). Посмеем предположить, что это как раз и было упомянутое громкое дело.

Изучение описи 189 показало массивные лакуны в нумерации дел (напомним, это была оригинальная нумерация Департамента полиции), отсутствуют дела: 1-13, 15-42, 44-62, 65-70, 72-88, 90-114, 117-119, 121-125, 127-176, 178-235 и так далее. Подобные же массивные лакуны имеются и в описи 190 (1893 г.). Так что вряд ли Л.Г. Дейч «со товарищи» могли слямзить такую кипу материалов! Куда же они делись? Напомним читателю: с тех пор случились три революции, одна гражданская война, две мировые...

Вот драматическая история формирования московских материалов ГАРФ:

Начало существованию Московского историко-революционного архива было положено 1 марта 1917 г. В тот день помещения Московского охранного отделения в Большом Гнездиновском переулке подверглись разгрому, часть документов погибла в огне.

Группа политических деятелей и историков сумела спасти архив «охранки» от дальнейшего уничтожения и организовала перевозку документальных материалов в московский Исторический музей. 2 марта 1917 г. при Исполнительном комитете московских общественных организаций была образована Комиссия по разработке политических дел г. Москвы, получившая также название «Архив политических дел г. Москвы». Это учреждение возглавил историк и публицист С.П. Мельгунов.

В марте и апреле 1917 г. сотрудники комиссии перевезли в помещение Исторического музея фонды Московского губернского жандармского управления и жандармских отделений железных дорог, в апреле-мае того же года – документы Канцелярии московского генерал-губернатора и некоторых других дореволюционных учреждений. Для хранения этих материалов был отведен огромный читальный зал Исторического музея, в котором были установлены шкафы и деревянные стеллажи.

Перевезенные документы при помощи добровольцев приводились в относительный порядок, раскладывались на стеллажи по годам, проверялись по инвентарным описям Московского охранного отделения и губернского жандармского управления. Одновременно осуществлялась работа по выявлению сведений о деятельности секретных сотрудников охранки и других лиц, причастных к службе в полицейских учреждениях.

Под научным руководством С.П. Мельгунова сотрудники комиссии приступили к изданию серии документальных публикаций под названием «Материалы по истории общественного и революционного движения в России», однако удалось выпустить в свет лишь первый том, посвященный партии большевиков. (В.П. Наумов. Московский историко-революционный архив, 1917-1920 гг. // История ГАРФ РФ, 2010 г.)

А вот не менее драматическая история перемещения петроградских архивных материалов:

Основным местом хранения документов учреждений политического сыска Российской империи являлся архив Департамента полиции, в котором находились как законченные производством дела департамента, так и обширный фонд его предшественника – III отделения Собственной е.и.в. канцелярии. В конце февраля – начале марта 1917 г. Архив Департамента полиции подвергся разгрому, однако основную часть дел удалось сохранить и перевезти в помещения Пушкинского дома и Рукописного отделения Академии наук.

Там были размещены материалы III отделения Собственной е.и.в. канцелярии (около 100 000 дел) и архив Департамента полиции (около 140 000 дел с 1881 по 1903 г.). Документы текущего делопроизводства Департамента полиции (около 500 000 дел за 1903-1917 гг.) были переданы в ведение Особой комиссии по расследованию деятельности Департамента полиции под председательством П.Е. Щеголева.

В июле 1918 г. эти материалы были перевезены в помещение бывшего Сената. Таким образом было положено начало существованию Петроградского историко-революционного архива (ПИРА), который был образован 1 августа 1918 г. <...>

Перевозка документов текущего делопроизводства Департамента полиции в здание Сената закончилась в начале августа 1918 г., после чего туда же начали перевозиться материалы III отделения Собственной е.и.в. канцелярии и архива Департамента полиции из помещений Пушкинского дома и Рукописного отделения Академии наук. До конца октября 1918 г. в Петроградский историко-революционный архив были переданы документы Санкт-Петербургского (Петроградского) охранного отделения, фонды жандармских управлений, эвакуированные из Западного края, а также архив Палаты Михаила Архангела.

Перевозка обширных материалов Департамента полиции из библиотеки Академии наук и присоединение их к фондам ПИРА продолжались до февраля 1919 года.

<...> В 1918 г. и первой половине 1919 г. на заседаниях коллегии Главархива неоднократно ставился вопрос о перевозке фондов Петроградского историко-революционного архива в Москву. Первый шаг в этом направлении был предпринят 20 августа 1919 г., когда инспекция Главархива по предложению заведующего ГУАД Д.Б. Рязанова постановила «командировать в Петербург инспектора Д.И. Нечкина для вывоза в Москву документов из архивов об М.А. Бакуanine, А.И. Герцене и Огареве».

Затем последовало личное распоряжение Д.Б. Рязанова о немедленной перевозке в Москву дел Н.Г. Чернышевского, Т.М. Михайлова, М.А. Бакунина и всеподданнейших обзоров III отделения.

28 сентября 1919 г. Д.И. Нечкин доложил коллегии Главархива, что им перевезен из Петрограда в Москву 21 ящик с делами III отделения и что осталось перевезти не менее 250 ящиков. Он отметил, что «перевозка дел в высшей степени затруднительна в отношении как транспорта, так и упаковочных средств (ящиков и веревок)». Перевезенные в Москву материалы были временно размещены в Архиве иностранных дел на Воздвиженке. Дела о М.А. Бакуanine, П.Л. Лаврове и Н.Г. Чернышевском были лично переданы Нечкиным Рязанову под расписку.

21 октября 1919 г. Совет военной обороны Петроградского укрепленного района потребовал передать ему для эвакуации часть материалов Департамента полиции и Петроградского охранного отделения. К эвакуации в первую очередь предназначались дела Особого отдела Департамента полиции с 1908 по 1917 г., Секретной части Особого отдела с 1905 по 1917 г., Инспекторского отдела, 3-го делопроизводства Департамента полиции, касающиеся денежной отчетности по политическому розыску, а также регистраторы Секретного отдела.

Работа по подготовке документов к эвакуации началась 23 октября. За девять дней и ночей было нагружено и упаковано 165 ящиков дел и 2 ящика с секретным регистратором. Общее количество эвакуируемых дел составило 29 099.

В конце ноября они были направлены по железной дороге в Москву в адрес ЦК РКП(б). В дальнейшем предполагалось перевезти в Москву все материалы Петроградского историко-революционного архива, соединить их с фондами московских отделений VII и VIII секций ЕГАФ [(Единогo государственного архивного фонда)] и образовать таким образом «самостоятельный историко-революционный единый фонд, не подчиненный Главному управлению архивным делом».

По одной версии, он должен был поступить в ведение Совета народных комиссаров РСФСР, по другой — в ведение ЦК РКП(б). На заседании коллегии Петроградского отделения Главного управления архивным делом 3 декабря 1919 г. была заслушана телеграмма заведующего Главархивом Д.Б. Рязанова о том, что Историко-революционный архив в Петрограде ликвидируется с 1 декабря.

Служащим архива было предложено подготовить архивные документы к перевозке в Москву, начиная с дел III отделения. Планировался также переезд в Москву всех сотрудников Петроградского историко-революционного архива. Эти планы не были реализованы. Перевозка в Москву документов Департамента полиции в конце 1919 г. также не состоялась; ящики с делами несколько месяцев пролежали на складах Николаевской железной дороги, а затем были возвращены в Петроградский историко-революционный архив. <...>

Окончательное решение о перевозке документов Департамента полиции из Ленинграда в Москву было принято Совнаркомом РСФСР 24 февраля 1926 г. Определенную роль в этом сыграли интересы ОГПУ, заинтересованного в работе с данными материалами с целью выявления провокаторов и секретных сотрудников.

В марте-июне 1926 г. документы Департамента полиции были перевезены и размещены в Архиве революции и внешней политики. Во второй половине 1926 г. и в начале 1927 г. в Москву были переданы фонды III отделения, Особого присутствия Правительствующего Сената, Штаба Отдельного корпуса жандармов и другие материалы Ленинградского историко-революционного архива, который прекратил свое существование с января 1927 года. (В.П. Наумов. Петроградский историко-революционный архив, 1917-1927 гг. // История ГАРФ РФ, 2010 г.)

Тем не менее автор сих биографических очерков не оставляет надежды, что письмо (пусть и копия) Р.Э. Классона от 15 апреля 1892 г. из Цюриха М.И. Брусневу в Москву рано или поздно отыщется в огромных массивах ГАРФ или МГЖУ (до сих пор еще слабо описанных) или, может быть, в массивах ленинградского т.н. «Дома Плеханова» (с фондом Л.Г. Дейча)*, входящего теперь в Российскую национальную библиотеку.

Поэтому у меня большая просьба к будущим исследователям, в частности истории деятельности и разгрома «Московского революционного кружка (дела Егупова)», иметь сей небольшой сюжет в виду. Для зачина деятельности этих исследователей могу указать, что в ф. 102 (Департамент полиции) ГАРФ все же сохранилось большое дело «По заявлению Михаила Егупова, привлеченного к дознанию по делу о Московском революционном кружке» (7-е делопроизводство, оп. 190, 1893 г., дело 220 в четырех увесистых томах).

* Воспоминания Р.М. Плехановой (с. 218) и выдержки из показаний [*«знатных путешественников» – Р.Э. Классона и Я.П. Коробко*] (в 1893 г.) по делу «О рассылке из СПб прокламаций, озаглавленных «15 апреля 1891 г.» по поводу демонстрации при похоронах писателя Шелгунова» (приведены Л.Г. Дейчем на с. 293) помещены в Сборнике №3 «Группы «Освобождение труда» (Госиздат, 1925 г.). Сборники выпускались комитетом по увековечению памяти Г.В. Плеханова. Смотрел их в Доме Плеханова. Воспоминания [*Розы Марковны*] Плехановой разыскал также в ее рукописях (к сожалению, отпечатано на машинке и без подписи), и в рукописи почти то же, что и в сборнике, кроме абзаца в начале, который не прошел, очевидно, по цензурным соображениям.

Просмотрел также письма Дейча Плехановой (очень мрачные и желчные) и ее к нему. Но в них упоминаний по этому поводу не нашел. Выдержки из показаний даны без «научного аппарата»: нет ссылок на источники. Говорил с заведующей Домом – она допустила возможность полицейской фальшивки. Хорошо бы добраться до конца. Архивы Департамента полиции все сосредоточены в Москве, в Центр. Гос. Ист. Архиве (ЦГИАМ). Допрашивал полковник Шмаков. – Из письма М.О. Каменецкого (Ленинград) И.Р. Классону (Москва) от 4 декабря 1959 г. (ф. 9508 РГАЭ)

Весной 1928 г. в Ленинград были доставлены архив, библиотека, художественные коллекции и обстановка рабочего кабинета [*в Женеве Г.В. Плеханова*]. Постройка и оборудование нового помещения – флигеля при здании Вольного Экономического Общества [(ВЭО)] – полностью завершилась к весне 1931. 11 июня 1929 г. в Актовом зале бывшего ВЭО состоялось торжественное открытие Дома Плеханова. Организации и деятельности Дома Плеханова Р.М. Плеханова посвятила последние 20 лет жизни. После ее смерти в 1949 г. работу над библиотекой и архивом продолжили сотрудники Дома Плеханова: Е.С. Коц, канд. ист. наук Т.К. Ухмылова, д-р ист. наук И.Н. Курбатова. – Из Интернета